

II. Скотник Джайлз

1.

ПРИМЕРНО в трёх милях к северу от городского дома Уолтера де Курси располагалась его ферма, где мололи муку, из которой пекли хлеб для семьи и прислуги, а также содержали коров, овец, свиней и птицу. За свиньями ухаживал худой, высокий и бледнолицый молодой человек по имени

Джайлз. Его домик соседствовал со свинарником и находился в самом дальнем углу поместья, в противоположном конце которого, ближайшем к Лондону, стоял дом управляющего. Вся ферма раскинулась на обширной территории, но дороги и тропинки там были столь скверными, что Джайлз и управляющий виделись и общались крайне редко, особенно зимой. В зимнее время, если надо было что-то приказать скотнику, управляющий обычно отправлял к нему посыльного с запиской — мальчишку лет пятнадцати, и Джайлз должен был исполнять то, что было велено в этой записке.

В характере Джайлза, жившего бобылём, было мало достойного похвалы и уважения. Был он бездельником и обжорой. Никакого образования у него, конечно, не было. В те времена даже люди благородного сословия, за исключением духовенства, редко умели написать своё имя, поэтому неудивительно, что обучением грамоте какого-то скотника, жившего на окраине большого поместья, никто и не подумал заниматься.

Но Джайлз был даже рад, что ему не пришлось учиться. Куда там, кормёжка свиней по всем правилам — и та была слишком сложной для него наукой, и если бы ему время от времени не доставалось по спине палкой от управляющего, он никогда бы не приобрёл и тех умений, коими мог

похвастаться. Единственным занятием, в котором содержалась хоть какая-то наука и которое доставляло Джайлзу удовольствие, было стряпать кушанья, и в этом деле он весьма преуспел — если, конечно, его собственные вкусы можно считать меркой преуспевания.

Жил Джайлз в аккуратном домике, который ему приходилось содержать в порядке. В доме была одна большая комната, в задней стене которой имелась дверь, ведущая в амбар со свиным кормом, а из амбара был проход в копильню с печкой, где готовились бекон и ветчина. Рядом с домом Джайлза располагались обширные свинарники и амбары, а также бойня. Под строгим надзором управляющего всё содержалось в полном порядке, и любой другой счёл бы за счастье жить в таком удобном и уютном уголке, но только не ленивый и вечно всем недовольный Джайлз.

Однажды ясным утром, наступившим после дождливой ночи, Джайлз получил послание от управляющего с приказом немедленно взять из запасов два лучших окорока и отнести их как можно скорее в лондонский дом хозяина на улице Бишопсгейт.

Когда посыльный зачитал приказ, Джайлз скорчил настолько страшную и злобную мину, что паренёк не стал дожидаться ответа, а тут же помчался назад. Джайлз пришёл в такую ярость, что едва не поднял бунт. Сначала он заявил, что никуда не пойдёт, но воспоминание о палке управляющего заставило его смягчиться, пусть и против желания. Тогда он объявил, что назло всем выберет два самых жёстких и маленьких окорока, какие только найдутся в амбаре. Войдя в амбар, Джайлз стал внимательно осматривать запасы. И тут ему, хотя он и не знал значения слова «арифметика», пришла в голову необычная арифметическая задачка: из двух маленьких и жёстких окороков вычесть хорошую порку (а в те времена хозяева имели полное право пороть нерадивых слуг) — что получится в остатке? Ответ он высчитал с похвальной точностью и счёл за благо всё же взять окорока побольше. Он выбирал долго и тщательно и наконец отобрал два самых лучших окорока из всех. Таким образом, он исполнил полученный приказ, что вполне мог сделать и с самого начала, избавив себя от лишних волнений и переживаний.

Одевшись для предстоящего похода, Джайлз взял на плечи коромысло с подвешенными к нему окороками и отправился в Лондон. Вскоре у него опять стало портиться настроение, и на сей раз не без причины: после

вчерашнего дождя дороги развезло, а окорока весили не меньше пятидесяти фунтов*. Как бы то ни было, Джайлз, хоть и медленно, продвигался вперёд и наконец добрался-таки до Лондона.

Появление Джайлса в доме на улице Бишопсгейт неизменно давало слугам повод для веселья и шуток. Им нравилось дразнить его, но поскольку после подшучиваний Джайлзу обычно предлагали хороший ужин, он к этим шуткам привык и воспринимал их добродушно. В тот вечер, однако, он припозднился: ужин уже закончился, а повар занемог и отправился спать; дворецкий же, пребывая в плохом настроении, не разрешил открыть кладовку при кухне. Из-за этого Джайлз страшно разозлился на шутки дворни и даже стал огрызаться, прибегая к словечкам, которые здесь повторять ни к чему. Слуги-мужчины немало оскорбились на эти слова и едва не вступили с Джайлзом в стычку, но тут Джоанна, одна из горничных (которая, как подозревали, была не прочь стать помощницей Джайлза по хозяйству на правах его законной жены) вмешалась в происходящее и остановила ссору. Она попыталась растолковать Джайлзу, что всё сказанное в его адрес говорилось не всерьёз, — но, увы, безуспешно. Джайлз видел насмешки в ином свете, и, чтобы разрядить обстановку, Джоанна увела его из людской, сказав, что хочет показать ему нечто очень красивое. Сейчас для этого самый удобный момент, добавила она, потому что хозяев нет дома.

Джайлз с обиженным видом последовал за Джоанной на второй этаж. Она провела его в комнату, где стояло венецианское зеркало, и показала ему его отражение. Джайлза оно удивило, но ничем ему не понравилось. Джоанна же, напротив, была в восторге от собственного личика, несмотря на то что до этого подходила к зеркалу уже раз пятьдесят.

— Разве не красота? — спросила Джоанна своего спутника.

— Так... ничего себе, да что толку в этом зеркале?

— Ну как же, можно посмотреть на себя, когда захочется.

— Зачем? Я и без того отлично знаю, как выгляжу.

— Нет, это всё-таки прекрасная вещь. А ты не мог бы попросить эльфов принести мне ночью зеркало вроде этого? Как было бы здорово получить такой подарок! Наверняка у тебя в домике водится множество эльфов и фей: они ведь любят селиться в сельской глуши.

— Если у меня в доме и живут феи и эльфы, или хоть гоблины, то пользы от них точно никакой.

— Ну, а какой бы ты хотел от них пользы? — игриво сказала Джоанна. — Может, ты бы их попросил привести тебе жену?

— Да нет, об этом я вряд ли стал бы просить.

— А о чём тогда?

— Ну, я бы их попросил, чтобы они делали за меня всю работу и приносили много еды. Больше мне от них ничего не нужно.

Джоанна обиделась и пошла прочь от своего непонятливого собеседника, а он побрёл вслед за ней вниз по лестнице. Несмотря на попытки Джайлза возобновить беседу, горничная не желала с ним разговаривать. Тогда он попробовал поговорить с другими слугами, однако столь же безуспешно. Наконец, поняв, что все его избегают, скотник взял свою шапку и коромысло и ушёл восвояси.

2.

Всю дорогу из Лондона Джайлз пребывал в крайне скверном настроении. Когда он подходил к дому, была уже глухая ночь, и он так утомился, что едва волочил ноги. Кроме того, Джайлз до того проголодался, что у него кружилась голова. Он проклинал судьбу за то, что теперь ему придётся разжигать очаг и самому готовить себе ужин, а после ужина надо ещё пойти задать корм свиньям, и только потом можно будет лечь спать.

Завидев свой домик, Джайлз вытаращил глаза: окна в нём светились, и было ясно, что в очаге ярко горит огонь. Едва придя в себя, Джайлз ускорила шаг, столь велико было его любопытство. Наконец он достиг порога и, открыв дверь, пришёл в немалое изумление, обнаружив на столе две большие восковые свечи в деревянных подсвечниках, а в очаге — превосходное горящее полено. Но больше всего его поразило то, что на столе стоял изысканно одетый человечек ростом не выше фута. Несмотря на малый рост, он был настолько хорошо сложен, что хоть пиши с него картину. На человечке были узкие шёлковые белые панталоны с лампасами и изящная бархатная курточка. Одежда так хорошо сидела на его фигуре, что казалось, он в ней родился. На голове у него был роскошный бархатный берет с белым пером, сбоку к пояску был приторочен искусной работы кортик размером с перочинный ножик, а на шее, на шёлковой нитке, висел серебряный свисточек.

Как только Джайлз пришёл в себя от удивления, человек галатнейшим жестом снял с себя берет и остался с непокрытой головой. Он подождал, пока с ним заговорят, но, поскольку Джайлз молчал, подал голос первым.

— С возвращением домой, милорд! А то мы уже заждались вас и беспокоились, не заблудились ли вы в такую глухую ночь.

— А позволь узнать, кто ты такой? — спросил Джайлз.

— Меня зовут Капсикум, милорд. Его величество Оберон, король эльфов и фей, узнав о вашем желании, чтобы наш народ работал за вас и подавал вам кушанья, приказал мне поселить в вашем доме свиту фей и эльфов, которые будут всеми силами вам угождать. Он также велел мне взять с собой отряд гоблинов, которые трудились бы вне стен дома и вообще делали всякую грязную работу. Поскольку у меня было крайне мало времени на исполнение приказа, боюсь, порядок здесь ещё не тот, какой хотелось бы навести. Но я рассчитываю, что завтра всё будет прибрано к вашему совершенному удовольствию. Будут ли у вас приказания, коими вы желали бы осчастливить меня прямо сейчас?

— Сейчас я только одного хочу, — сказал Джайлз, — чтоб ты сию минуту сходил и принёс мне чего-нибудь поесть, а то я помираю от голода.

— Я немедленно вызову дворецкого и передам ему ваш приказ. В доме вашей милости я исполняю обязанности мажордома.

Он приложил серебряный свисточек к губам, и в комнату мгновенно вошёл ещё один эльф. Хотя вошедший был ничуть не выше Капсикума, внешне они заметно отличались. Вайнлиф, дворецкий, был упитан, важен и солиден; на лице его было написано столь глубокое почтение, что представить себе на нём улыбку было почти невозможно. Капсикум объявил дворецкому о желании его милости, чтобы незамедлительно подали ужин, и Вайнлиф, низко поклонившись, тут же удалился. Как только он ушёл, Капсикум объяснил Джайлзу:

— Наш дворецкий отменно справляется со своими обязанностями, но страдает одним недостатком: иногда чересчур увлекается дегустированием вина, за подачу которого отвечает. Однако я строго-настрого приказал Вайнлифу вести себя безупречно и предупредил его, что в противном случае возникнет печальная необходимость доложить о его поведении начальству.

Не успел Капсикум закончить, как в комнату вошли по меньшей мере двадцать эльфов. Многие из них несли вдвоём одно блюдо, слишком тяжёлое для одной пары рук, хотя сама порция кушанья на таком блюде простым смертным показалась бы до смешного маленькой. Прочие эльфы несли более лёгкие подносы с фруктами и иными яствами: один — с яблоком, другой, несмотря на зимнее время, — с персиком, третий — с горсткой изюма. Каждый эльф что-то нёс, так что в целом Джайлзу на ужин было подано куда больше еды, чем смог бы уплести за одну трапезу даже самый крупный здоровяк.

Все эльфы были одеты в превосходно сшитые ливреи и, несмотря на малый рост, смотрелись поистине великолепно. Конечно, они не могли дотянуться до столешницы, но находчивый Капсикум составил для них лестницу из разных предметов, которые обнаружил в доме. По этой лестнице эльфы поднялись на стол и выставили на нём блюда в надлежащем порядке. Когда всё было готово, Вайнлиф сообщил Джайлзу, что кушать подано. Его стул придвинули к столу, и он приступил к ужину.

Сперва Джайлзу не понравилось, что перед ним поставили такие крошечные порции, но не успевал он проглотить одну, как на её месте появлялась другая, так что в конце концов он остался вполне доволен. Все блюда были приготовлены на редкость вкусно по самым изысканным рецептам, да и эльфы обслуживали Джайлза безупречно, разве только с одной необычной особенностью. Поскольку малый рост слуг не позволял им стоять на полу, они выстроились на столе. Но действовали они так слаженно, что не допустили ни малейшей ошибки.

Вайнлиф встал по правую руку от Джайлза и время от времени наполнял его кубок наивкуснейшим вином. Джайлз пил, и настроение его улучшалось. Быстро привыкнув к стоящим перед ним навтыжку подавальщикам, он чувствовал себя настоящим лордом. Правда, время от времени его посещали неприятные мысли. Прежде всего он вспомнил, что свиньи остались не кормлены, и перед его мысленным взором предстал образ управляющего с палкой, однако он всё-таки философски рассудил, что, пока сидишь за столом, надо получать от еды удовольствие.

Джайлз проглотил поразительно много пищи. Он и без того по натуре был обжорой, но сейчас продемонстрировал эту свою склонность в полной мере. Капсикум, который тоже стоял на столе, казалось, был в совершенном восторге от аппетита хозяина, и каждый раз, когда тот набрасывался